

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-216-219

© К. Ю. Лаппо-Данилевский

«ПЕТРОПОЛЬСКИЙ ТАЦИТ» В ИЗГНАНИИ: КНИГА О Н. И. УЛЬЯНОВЕ*

Интересующая нас монография венчает длительные изыскания П. Н. Базанова, посвященные биографии и творческому наследию видного представителя «второй волны» эмиграции — Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) и отраженные в многочисленных публикациях исследователя. Вступительную часть составляют краткое предисловие автора и обзор «Историография и источники» (с. 9–37), в котором указано на важнейшие посмертные публикации, посвященные Ульянову в эмиграции и в постперестроечной России, критически проаннотированы переиздания его трудов, отмечены публикации наиболее важных биографических материалов, документирующих советский период жизни Ульянова. Они были введены в оборот В. Э. Багдасаряном, В. С. Брачевым, А. С. Лавровым, С. Б. Лавровым, самим Базановым и др. Впечатляет обилие архивохранилищ, обследованных автором монографии: помимо отечественных, это главным образом американские — «Бахметевский архив» Колумбийского университета, библиотека Байнеке Йельского университета, Гуверовский архив войны, революции и мира в Стэнфорде, «Центр русской культуры» при Амхерстском колледже и др. Лишь одно крупное частное собрание, а именно Р. Герра, которому Н. И. Ульянов завещал подавляющую часть своего архива и библиотеку, осталось П. Н. Базанову (не по его вине) недоступно...

Книга разделена на две главы (*de facto* это пространные разделы с многочисленными подглавами): «Биография Н. И. Ульянова» (с. 38–239) и «Основные направления творческой и научной деятельности Н. И. Ульянова» (с. 240–406). Еще один полноценный раздел составляет приложение «Н. И. Ульянов. Библиографический указатель» (с. 407–509).¹ Здесь учтены первопубликации сочинений Ульянова, их перепечатки, литература о нем, в том числе диссертации; приведен перечень пропавших при аресте работ. Надо сказать, что уместен в монографии был бы именной указатель, который облегчил бы пользование ею.

Первая, биографическая глава книги читается с неослабевающим интересом. Ее под-

главы («Детство», «Театральная юность (школа и Курмасцеп)», «Студенческие годы» и проч., вплоть до заключительной — «Жизнь в Америке и преподавание в Йельском университете») шаг за шагом освещают непростой жизненный путь Ульянова, делают его личность понятней и ближе нам. Как известно, подавляющее число эмигрантов «второй волны» в той или иной степени запятнали себя коллаборационизмом, что влекло за собой переписывание ими в эмиграции собственных биографий, использование псевдонимов.² Указания первых биографов Ульянова (ими *volens nolens* стали авторы его некрологов, далекие от советских реалий 1920-х и 1930-х годов) и его собственные высказывания Базанов соотносит с документами из российских архивов, введенными в научный оборот за последние тридцать лет. Поэтому весьма важен основной, проиллюстрированный на протяжении многих страниц вывод исследователя о том, что Ульянов никогда не лгал, говоря о своем прошлом, хотя и замалчивал в эмиграции по очевидным причинам некоторые факты своей советской биографии (то, что с 1925 года состоял в комсомоле, в 1931 году утвержден кандидатом в члены ВКП(б)).

Но обратимся к истокам формирования личности Ульянова, это тем легче ныне сделать благодаря систематизированным и обобщенным Базановым фактам. Они позволяют, помимо прочего, понять многократно констатировавшееся духовное и культурное родство, связывавшее Ульянова с представителями «первой волны» эмиграции XX века, хотя, казалось бы, его происхождение этого никак не предвещало, а сам он, скорее, должен был усвоить ценности, насаждавшиеся советской властью. Ульянов родился в 1904 году, видимо, в Петербурге, где его отец жил с двенадцатилетнего возраста, освоив специальность слесаря-водопроводчика. Из-за психической болезни мужа мать Ульянова, поначалу не работавшая, в 1912 году поступила в «частное услужение», чтобы содержать двоих детей и себя с мужем;

* Базанов П. Н. «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018. 511 с.

¹ Предыдущие версии этого указателя П. Н. Базанова, неизменно пополнявшиеся, см.: Сфинкс. 1995. № 1 (3). С. 201–213; Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. Т. 213. С. 173–226.

² Один из наиболее оригинальных примеров подобного рода — случай князя Г. З. Эристова, который выдавал себя за эмигранта «первой волны», подчеркивая свое аристократическое происхождение, чтобы скрыть сотрудничество с нацистами, а потому и жизнь в СССР до Второй мировой войны (*Гардзонио С., Поляков Ф.* Хроника большого времени: Заметки о биографии Георгия Эристова // eSamizdat. Rivista di culture dei paesi slavi. 2014–2015. № 10. Р. 77–80).

в дальнейшем она зарабатывала на хлеб уборщицей. Семья, таким образом, находилась в самом низу социальной лестницы дореволюционной России, но при этом жила в столице. Уже в юные годы Ульянов проявляет исключительную культурную цепкость и интуицию, его путеводной звездой становится любовь к книгам и театру.³ Важнейшим этапом в становлении Ульянова стали Курсы сценических постановок (Курмасцеп), основанные В. Э. Мейерхольдом в 1918 году, куда юноша поступил год спустя, вслед за рядом попыток получить актерское образование, и где учился по вечерам, после занятий в общеобразовательной школе. Преподавателями Ульянова в Курмасцепе, которому он посвятил в изгнании мемуарный очерк, были С. Э. Радлов, А. А. Гвоздев, В. Н. Соловьев, А. И. Пиотровский, К. М. Миклашевский, Н. А. Тырса и др. Самый младший из слушателей, Ульянов оказался в гуще театральной и литературной жизни Петрограда, в это время и в этой среде формируются его эстетические вкусы и культурные предпочтения. Воспоминания о виденных им в эти годы А. А. Блоке, К. И. Чуковском, М. А. Кузmine и др. он бережно хранил в памяти.

Ближе узнав закулисные нравы, Ульянов резко меняет жизненный курс и поступает в июле 1922 года на общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета по квоте профорганизаций, где его преподавателями стали В. А. Зеленко, Э. Л. Радлов, А. Е. Пресняков, А. Т. Андреев, П. П. Щеголев, И. М. Гревс, Е. В. Тарле и Ф. И. Успенский, а также С. Ф. Платонов, последним учеником которого он стал и под руководством которого писал свои студенческие работы. Парадокс заключается в том, что именно советская власть дала Ульянову возможность учиться у лучших историков, но в то же время и воспринять от них идеи и знания, способствовавшие критическому отношению к ценностям, ею насаждавшимся. По уровню своей подготовки он вряд ли мог бы претендовать на высшее образование такого уровня до революции; удача, которой студент из народа оказался достоин. Напряженный труд и широкая начитанность позволили Ульянову успешно окончить университет и поступить в 1927 году в аспирантуру Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) в Москве; все же незнание иностранных языков в дальнейшем его неизменно удручало.

Надо сказать, что в трех вышеперечисленных подглавах Базанов удачно дополняет основное изложение емкими, отчасти основанными на собственных изысканиях характеристиками театральных и литературных деятелей, а так-

же ученых, с которыми судьба сводила Ульянова. То же можно сказать и о ключевой подглаве «Ленинград: наука и преподавание», где рассматривается карьера Ульянова в Ленинградском институте философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ), куда он поступил после нескольких лет работы в Архангельске и совмещителем на историческом факультете ЛГУ им. А. С. Бубнова доцентом в 1933 году на кафедру истории России и народов СССР. Арест А. И. Мальшева, заведующего кафедрой, и как следствие освобождение его от должности 19 января 1935 года приводит к тому, что замдекана В. В. Мавродин рекомендует Ульянова на это место. 15 ноября 1935 года Ульянов утвержден ВАК в звании профессора с обязанностью защитить докторскую диссертацию в двухгодичный срок. Это стремительное восхождение столь же внезапно обрывается: постановление Совнаркома от 16 мая 1934 года делает возможным выступления против М. Н. Покровского, на которого Ульянов, и видимо, совершенно искренне обрушивается в институтской многотиражке. Однако неосторожные слова, пророненные о «вырождении» советской исторической науки в целом, происходившем под влиянием Покровского, приводят к гонениям на самого Ульянова, а затем и к его аресту 2 июня 1936 года. Арест означал конец первого этапа научной деятельности Ульянова-историка, для которой, с одной стороны, характерен пристальный интерес к источникам, с другой — марксистские декларации. Из шестнадцати публикаций 1930–1935 годов собственно научные в меньшинстве — это работы по источниковедению Русского Севера и по истории народа коми; остальное — компилятивные популярные очерки об истории Москвы и России, хрестоматия для студентов, идеологизированные выступления в периодике. Ссылаясь на «советскую „цензуру“, принудительное идеологическое редактирование, дописывание авторского текста и практику насильственной вставки цитат» (с. 121), процитировавшие в то время, Базанов игнорирует весьма важную тему, а именно: какова была та индивидуальная марксистская платформа, которую выработал для себя Ульянов для сотрудничества с советскими учреждениями и наукой в целом. Судя по всему, она существовала, в чем убеждают такие факты, как активная общественная работа по «заданиям Парткома, Горкома и Крайкома ВКП(б)» в Архангельске, почти десятилетний брак с «идеальной большевичкой» Н. И. Смородиной, подготовка к выступлению в ВКП(б) и проч.

Столь же детально, с привлечением максимум свидетельств излагает Базанов арестантскую и изгнанническую одиссею Ульянова: выбивание показаний во время следствия, Соловецкий и Норильский лагеря, освобождение перед Второй мировой войной и мобилизация, странствия по оккупированным территориям, пребывание в лагере Карлсфельд под Мюнхеном, «дипийский» период, жизнь в Марокко (именно здесь были написаны первые

³ Через много лет Ульянов посвятил благодарный очерк журналу «Аполлон», во многом определившему его художественные и литературные вкусы (Ульянов Н. И. О журналах (Забитый бог) // Новое русское слово. 1959. 15 нояб. С. 8).

статьи, вышедшие в свет в эмигрантской периодике в 1948 году), сотрудничество с С. П. Мельгуновым и руководимым им Союзом борьбы за свободу России, переезд в Канаду, а затем в США, многолетняя работа в качестве лектора в Йельском университете. Базанов справедливо обращает внимание на моральные потрясения Ульянова, ставшего свидетелем зверств нацистов и их пособников (в первую очередь из числа западных украинцев), а также неприятие им сценариев «расчленения России» после падения коммунизма. Именно эти темы оказываются в центре публицистической деятельности Ульянова в послевоенные годы, именно им по преимуществу посвящена вторая часть монографии Базанова, на мой взгляд менее удавшаяся, в отличие от первой, биографической.

Название первой подглавы второй главы «Издательская и публицистическая деятельность» дезориентирует читателя, ибо речь в ней идет главным образом не о деятельности Ульянова в качестве издателя, как ожидалось бы, но о тех издательствах, журналах и газетах, что печатали его сочинения.⁴ При этом экскурсы порой чрезмерно объемны, а их темы далеки от заглавия подглавы. Так, издательству «Посев», выпустившему брошюрой статью Ульянова «Забывтый Маркс», напечатанную поначалу в журнале «Возрождение», посвящено три страницы, а пространный рассказ об «Издательстве имени Чехова», опубликовавшем роман Ульянова «Атосса», переходит в обзор рецепции этого романа в эмигрантской прессе.

Напомню, что вторая глава монографии озаглавлена «Основные направления творческой и научной деятельности Н. И. Ульянова». Объекты же рассмотрения трех входящих в нее подглав не подпадают, строго говоря, под понятие «направление деятельности», как явствует из их названий: «Философия истории», «Интеллигенция в творчестве Н. И. Ульянова», «Культура в творчестве Н. И. Ульянова». Что касается философии истории, то как в заключении подглавы о ней справедливо показывает сам Базанов, Ульянов, в сущности, отталкивается от обсуждения в Германии и в России в начале XX века двух возможных концепций исторического континуума — номотетической и идиографической, ничего к нему не добавляя. Главное для него — ниспровержение исторических закономерностей, отстаиваемых марксизмом. При этом Ульянов скорее стремится утвердить определенные воззрения на задачи историографии, во многом совпадающие с мнением С. Ф. Платонова,⁵ чем выра-

батывает собственную философию истории. Также и в тех эссе, где он пишет о русской интеллигенции и культуре, Ульянов наиболее убедителен, когда критикует и полемизирует, со свойственным ему блеском обрушиваясь на своих оппонентов. Многочисленные цитаты в этих подглавах позволяют понять, в чем истоки того уважения, которым пользовался Ульянов в эмиграции (даже у непримиримых оппонентов), и в чем его значение для нас. Ульянов — неизменно одиночка, чуждый любой «партийной логике», не обходящий острые углы, не избегающий неудобных тем, неизменноверяющий все и вся силой своего интеллекта, тот, с кем часто не соглашаешься, но которому в результате остаешься благодарным за ментальные импульсы, воспринятые от него. Он — мастер афоризма; чего стоят, к примеру, начальные строки его отклика на смерть Бунина: «Бывают смерти, когда оплакивать приходится не покойника, а остающихся в живых»!⁶ Именно Ульянов, не обращая внимания на всеобщее благоговение в эмиграции перед памятью Гумилева, обрушивает на его стихи град критики, полагая поэта «не желавшим знать ни человека, ни жизни, ни бездны, окружающей жизнь, жившего в выдуманном мире, вернее, в вычитанном мире, да еще мире явно не русском».⁷ Впрочем, кому только не доставалось от Ульянова! — и П. Я. Чаадаеву, и Н. А. Бердяеву, и Г. П. Федотову, и М. В. Вишняку, и З. А. Шаховской, и многим другим.

Уже в первом абзаце предисловия Базанов утверждает, что Ульянов «более всего известен как специалист по украинскому сепаратизму» (с. 5), в силу чего подглава второй главы «Национальный вопрос и феномен украинского сепаратизма в творчестве Н. И. Ульянова» оказывается в определенном смысле важнейшей в книге. К сожалению, увлеченность Базанова своим героем играет с ним недобрую шутку, лишая порой дистанции, необходимой для собственно академического осмысления его позиции, в результате чего основную часть подглавы составляет апологетическое реферирование статей Ульянова по украинскому вопросу, а также его книги «Происхождение украинского сепаратизма» (Нью-Йорк, 1966). Куда более плодотворным, на мой взгляд, было бы взглянуть на концепцию Ульянова из новой исторической перспективы (а это в первую очередь возникновение независимого украинского государства после

тонова на многие суждения Ульянова: «История же есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества» (Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 39).

⁶ Ульянов Н. И. После Бунина // Новый журнал. 1954. № 36. С. 134.

⁷ Ульянов Н. И. Гумилев // Возрождение. 1952. № 19. С. 151.

⁴ С 1970 года на обороте титульных листов всех своих книг, изданных за свой счет, он стал указывать «Киннипиак» (индейское название небольшой речки, протекающей в Нью-Хэвене), но сам Базанов, ссылаясь на слова вдовы Ульянова, пишет о том, что «такого издательства не было» (с. 260).

⁵ Базанов справедливо указывает на определяющее влияние следующего пассажа Платонова на многие суждения Ульянова:

распада СССР, которое вряд ли можно игнорировать), проанализировать ее истоки и зависимость от исторического контекста. Так, в статье «Русское и великорусское» Ульянов отстаивает мнение о том, что великороссы, малороссы (украинцы) и белорусы являются тремя «ветвями» единого русского древа, т. е. отказывается признать их отдельными народами, отрицает существование украинского и белорусского языков. Сложно это было делать в 1960-е годы, куда сложнее, думаю, делать сейчас или же солидаризироваться с подобными мнениями. Вряд ли также можно игнорировать изначальную тенденциозность книги «Происхождение украинского сепаратизма» (Базанов с симпатией цитирует характеристику Л. М. Аринштейна о том, что это «монументальный научный труд и политический памфлет, слитые воедино» (с. 310)), в которой Ульянов вслед за П. Б. Струве называет «интимной» тайной украинского сепаратизма «его искусственность, выдуманность». Напрашивается вопрос: если это так, почему же он еще не рассыпался в прах? А уж если он продолжает существовать, не имеет ли смысл сменить угол зрения, если, конечно, мы хотим постичь это явление?

Завершая главу о детстве Ульянова, Базанов пишет, что «Родина у Николая Ивановича всегда была одна — Россия» (с. 45). Поэтому нельзя не пожалеть, что именно теме России не было уделено специальной подглавы. Какую Россию Ульянов считал своей Родиной? В каких границах? 1917 года? Или же в границах СССР 1941-го? Или же 1945-го? Или у него были собственные представления о том, как следует произвести демаркацию? Как относился он к «присоединению» Прибалтики к СССР и другим актам советской экспансии накануне Второй мировой войны? Можем ли мы по разрозненным суждениям, по личным и другим симпатиям составить мнение о его чаяниях и «рецептах» для будущего России?

На страницах книги Ульянов многократно именуется «патриотом-западником», и, хотя из контекста ясно, что имеет в виду Базанов (убежденность в правильности «европейского выбора» России, приверженность петровским

преобразованиям), выражение это вряд ли удачно, ибо «отбрасывает» Ульянова к реалиям русского спора XIX столетия. В то же время, на мой взгляд, стоило бы более рельефно представить преемство Ульянова по отношению к идеям государственно-юридической школы, о которой он, к примеру, с симпатией отзывается в эссе «История и утопия» (первый вариант статьи был написан в 1951 году). Ульянов — убежденный государственный, и для него русское государство — благотворная сила, служащая интересам многих народов, населяющих его, и требующая служения себе; а потому покушения на ее ослабление (в том числе и территориальные отторжения) для него недопустимы. С этих позиций он страстно защищал наследие Петра I, реформы которого, по мнению Ульянова, — «величайшее благодеяние», «источник всей культуры» и русского национального самосознания.⁸

Выражение «петропольский Тацит», внесенное в заглавие книги, заимствовано из стихотворения Юрия Милославского, сосидельца Ульянова по Соловецкому лагерю. Этим указан основной, «исторический» вектор исследования Базанова, который все же на страницах книги неоднократно касается также и литературного наследия своего героя, обнажает связи между его биографией и произведениями. Как автор двух романов («Атосса» и «Сириус»), рассказов, мемуарных очерков и эссе Ульянов занял достойное место в истории русской литературы XX века. Тщательные биографические разыскания Базанова и подготовленная им подробная библиография открывают новые возможности также и для более тщательного рассмотрения литературной деятельности Ульянова, которую он считал не менее существенной для себя, чем служение музе истории.⁹

⁸ См. в статье «Опасный рецидив» (цит. по: Ульянов Н. И. Спуск флага. New Haven, 1979. С. 76).

⁹ Об этом см.: Сечкарев В. Н. Ульянов — эссеист и ученый: К семидесятилетию // Новый журнал. 1975. № 119. С. 261.